

НИКОЛАЙ
УЛЬЯНОВ

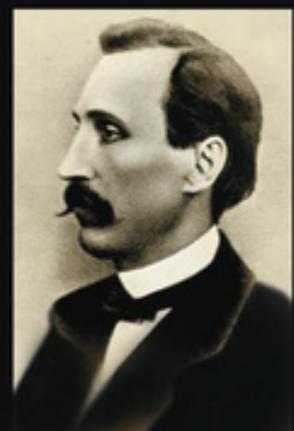
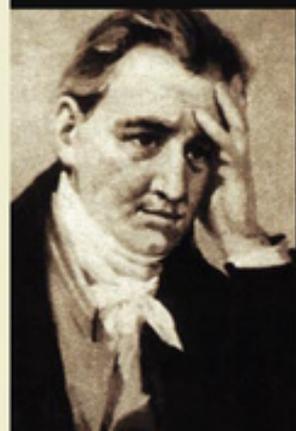
ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Богдан Хмельницкий — первый сепаратист

УКРАИНСКОГО

Украинскому самостийничеству не хватало национальной базы

СЕПАРАТИЗМА

Николай Ульянов

**Происхождение
украинского сепаратизма**

«Центрполиграф»

2017

УДК 327
ББК 66.4

Ульянов Н. И.

Происхождение украинского сепаратизма / Н. И. Ульянов —
«Центрполиграф», 2017

ISBN 978-5-227-06612-1

Н. Ульянов рассматривает украинский сепаратизм как искусственный и надуманный. Казачество подсказало этому движению аргумент от истории, сочинив самостийническую схему украинского прошлого, построенного сплошь на лжи, подделках, на противоречиях с фактами и документами. На основании данного представления автор утверждает, что, кроме этих сомнительных историографических построений, не существует других убедительных причин разделения между собой украинского и российского государств.

УДК 327

ББК 66.4

ISBN 978-5-227-06612-1

© Ульянов Н. И., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Введение	6
Запорожское казачество	10
Захват Малороссии казаками	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Николай Ульянов
Происхождение украинского сепаратизма

© «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление «Центрполиграф», 2017

Введение

Особенность украинского самостийничества в том, что оно ни под какие из существующих учений о национальных движениях не подходит и никакими «железными» законами не объяснимо. Даже национального угнетения, как первого и самого необходимого оправдания для своего возникновения, у него нет. Единственный образец «угнетения» – указы 1863 и 1876 гг., ограничивавшие свободу печати на новом, искусственно создававшемся литературном языке, – не воспринимались населением как национальное преследование. Не только простой народ, не имевший касательства к созданию этого языка, но и 99 процентов просвещенного малороссийского общества состояло из противников его легализации. Только ничтожная кучка интеллигентов, не выражавшая никогда чаяний большинства народа, сделала его своим политическим знаменем. За все 300 лет пребывания в составе Российского государства Малороссия-Украина не была ни колонией, ни «порабощенной народностью».

Когда-то считалось само собой разумеющимся, что национальная сущность народа лучше всего выражается той партией, что стоит во главе националистического движения. Ныне украинское самостийничество дает образец величайшей ненависти ко всем наиболее чтимым и наиболее древним традициям и культурным ценностям малороссийского народа: оно подвергло гонению церковнославянский язык, утвердившийся на Руси со времен принятия христианства, и еще более жестокое гонение воздвигнуто на общерусский литературный язык, лежавший в течение тысячи лет в основе письменности всех частей киевского государства, во время и после его существования. Самостийники меняют культурно-историческую терминологию, меняют традиционные оценки героев событий прошлого. Все это означает не понимание и не утверждение, а искоренение национальной души. Истинно национальное чувство приносится в жертву сочиненному партийному национализму.

Схема развития всякого сепаратизма такова: сначала якобы пробуждается «национальное чувство», потом оно растет и крепнет, пока не приводит к мысли об отделении от прежнего государства и создании нового. На Украине этот цикл совершался в обратном направлении. Там сначала обнаружилось стремление к отделению, и лишь потом стала создаваться идейная основа как оправдание такого стремления.

В заглавии настоящей работы не случайно употреблено слово «сепаратизм» вместо «национализма». Именно национальной базы не хватало украинскому самостийничеству во все времена. Оно всегда выглядело движением ненародным, вненациональным, вследствие чего страдало комплексом неполноценности и до сих пор не может выйти из стадии самоутверждения. Если для грузин, армян, узбеков этой проблемы не существует, по причине ярко выраженного их национального облика, то для украинских самостийников главной заботой все еще остается доказать отличие украинца от русского. Сепаратистская мысль до сих пор работает над созданием антропологических, этнографических и лингвистических теорий, долженствующих лишить русских и украинцев какой бы то ни было степени родства между собой. Сначала их объявили «двумя русскими народностями» (Костомаров), потом – двумя разными славянскими народами, а позже возникли теории, по которым славянское происхождение оставлено только за украинцами, русские же отнесены к монголам, к туркам, к азиатам. Ю. Щербакивскому и Ф. Вовку доподлинно стало известно, что русские представляют собою потомков людей ледникового периода, родственных лопарям, самоедам и вогулам, тогда как украинцы – представители переднеазиатской круглоголовой расы, пришедшей из-за Черного моря и осевшей на местах, освобожденных русскими, ушедшими на север вслед за отступающим ледни-

ком и мамонтом¹. Высказано предположение, усматривающее в украинцах остаток населения утонувшей Атлантиды.

И это обилие теорий, и лихорадочное культурное обособление от России, и выработка нового литературного языка не могут не бросаться в глаза и не зарождают подозрения в искусственности национальной доктрины.

В русской, особенно эмигрантской, литературе существует давнишняя тенденция объяснять украинский национализм исключительно воздействием внешних сил. Особенное распространение получила она после Первой мировой войны, когда вскрылась картина широкой деятельности австро-германцев по финансированию организаций, вроде «Союза вызволения Украины», по организации боевых дружин («Сичевые стрельцы»), воевавших на стороне немцев, по устройству лагерей-школ для пленных украинцев.

Д. А. Одинец, погрузившийся в эту тему и собравший обильный материал, был подавлен грандиозностью немецких планов, настойчивостью и размахом пропаганды в целях насаждения самостийничества². Вторая мировая война явила еще более широкое полотно в этом смысле.

Но с давних пор историки, и среди них такой авторитет, как профессор И. И. Лаппо, обратили внимание на поляков, приписывая им главную роль в создании автономистского движения.

Поляки, в самом деле, по праву могут считаться отцами украинской доктрины. Она заложена ими еще в эпоху гетманщины. Но и в новые времена их творчество очень велико. Так, самое употребление слов «Украина» и «украинцы» впервые в литературе стало насаждаться ими. Оно встречается уже в сочинениях графа Яна Потоцкого³.

Другой поляк, граф Фаддей Чацкий, тогда же вступает на путь расового толкования термина «украинец». Если старинные польские анналисты, вроде Самуила Грондского, еще в XVII в. выводили этот термин из географического положения Малой Руси, расположенной на краю польских владений («*Margo enim polonice kraj; inde Ukraina quasi provincia ad fines Regni posita*»)⁴, то Чацкий производил его от какой-то никому, кроме него, не известной орды «укров», вышедшей якобы из-за Волги в VII в.⁵

Поляков не устраивала ни «Малороссия», ни «Малая Русь». Примириться с ними они могли бы в том случае, если бы слово «Русь» не распространялось на «москалей».

Внедрение «Украины» началось еще при Александре I, когда, ополячив Киев, покрыв весь правобережный юго-запад России густой сетью своих поветовых школ, основав польский университет в Вильно и прибрав к рукам открывшийся в 1804 г. Харьковский университет, поляки почувствовали себя хозяевами умственной жизни малороссийского края.

Хорошо известна роль польского кружка в Харьковском университете, в смысле пропаганды малороссийского наречия как литературного языка. Украинскому юношеству внушалась мысль о чуждости общерусского литературного языка, общерусской культуры, и, конечно, не забыта была идея нерусского происхождения украинцев⁶.

¹ Щербаківський Ю. Формация української нації. Прага, 1942; Нью-Йорк, 1958.

² Одинец Д. А. Из истории украинского сепаратизма // Современные записки. № 68.

³ Jan Potocki. Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase. Paris: Merlin, 1829.

⁴ Такое толкование принято было М. С. Грушевским. Но, чувствуя его неудобство для украинофильства и для всей своей исторической схемы, он тем не менее ни к какому другому ясному объяснению не пришел. Уже в 1919 г. в «Короткой истории Украины» на с. 3 он пообещал: «А звитки назва України пішла – се потім побачимо». Но ни в этой, ни в других книгах не посвятил нас в результаты «побачення». Один из его последователей и, кажется, учеников, Сергей Шелухин, считает все его суждения по этому поводу «хаосом догадок». См.: Шелухин С. Украина – назва нашої землі з найдавніших часів. Прага, 1936.

⁵ Thadeusz Chacki. O nazwiku Ukrainy i poczetku kozak w // Собр. соч. Варшава, 1843–1845.

⁶ См. об этом: Кн. Волконский А. М. Историческая правда и украинофильская пропаганда. Турин, 1920; Царинский А.

Гулак и Костомаров, бывшие в 1830-х гг. студентами Харьковского университета, подверглись в полной мере действию этой пропаганды. Ею же подказана и идея всеславянского федеративного государства, провозглашенная ими в конце 1940-х гг. Знаменитый «панславизм», вызывавший во всей Европе яростную брань по адресу России, был на самом деле не русского, а польского происхождения. Князь Адам Чарторыйский на посту руководителя русской иностранной политики открыто провозгласил панславизм одним из средств возрождения Польши.

Польская заинтересованность в украинском сепаратизме лучше всего изложена историком Валерианом Калинкой, понявшим бессмысленность мечтаний о возвращении юга России под польское владычество. Край этот потерян для Польши, но надо сделать так, чтобы он был потерян и для России⁷. Для этого нет лучшего средства, чем поселение розни между южной и северной Русью и пропаганда идеи их национальной обособленности. В этом же духе составлена и программа Людвиг Мерославского накануне польского восстания 1863 г.

«Вся агитация малороссианизма – пусть перенесется за Днепр; там обширное пугачевское поле для нашей запоздавшей числом Хмельничины. Вот в чем состоит вся наша панславистическая и коммунистическая школа!.. Вот весь польский герценизм!»⁸

Не менее интересный документ опубликован В. Л. Бурцевым 27 сентября 1917 г. в газете «Общее дело» в Петрограде. Он представляет записку, найденную среди бумаг секретного архива примаса униатской церкви А. Шептицкого после занятия Львова русскими войсками. Записка составлена в начале Первой мировой войны, в предвидении победоносного вступления австро-венгерской армии на территорию русской Украины. Она содержала несколько предложений австрийскому правительству на предмет освоения и отторжения от России этого края. Намечалась широкая программа мероприятий военного, правового, церковного порядка, давались советы по части учреждения гетманства, формирования сепаратистски настроенных элементов среди украинцев, придания местному национализму казацкой формы и «возможно полного отделения украинской Церкви от русской».

Пикантность записки заключается в ее авторстве. Андрей Шептицкий, чьим именем она подписана, был польский граф, младший брат будущего военного министра в правительстве Пилсудского. Начав свою карьеру австрийским кавалерийским офицером, он впоследствии принял монашество, сделался иезуитом и с 1901 по 1944 г. занимал кафедру львовского митрополита. Все время своего пребывания на этом посту он неустанно служил делу отторжения Украины от России под видом ее национальной автономии. Деятельность его, в этом смысле, – один из образцов воплощения польской программы на востоке.

Программа эта начала складываться сразу же после разделов. Поляки взяли на себя роль акушерки при родах украинского национализма и няньки при его воспитании.

Они достигли того, что малороссийские националисты, несмотря на застарелые антипатии к Польше, сделались усердными их учениками. Польский национализм стал образцом для самого мелочного подражания, вплоть до того, что сочиненный П. П. Чубинским гимн «Ще не вмерла Украина» был неприкрытым подражанием польскому «Jeszcze Polska nie zginęła»⁹.

Картина этих более чем столетних усилий полна такого упорства в энергии, что не приходится удивляться соблазну некоторых историков и публицистов объяснить украинский сепаратизм одним только влиянием поляков¹⁰.

Украинское движение: краткий исторический очерк. Берлин, 1925.

⁷ *Tarnowsky A. Ks. W. Kalinka. Krakow, 1887. С. 167–170.*

⁸ *Коршилов А. А. Общественное движение при Александре II. М., 1909. С. 182.*

⁹ «Еще Польша не погибла» – первая строка гимна Польши. (*Примеч. ред.*)

¹⁰ Особенно склонен к этому С. Н. Щеголев, собравший обильный материал в польской публицистике XIX–XX вв. См. его «Современное украинство», 1914, а также ранее вышедшее «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма» (Киев, 1912).

Но вряд ли это будет правильно. Поляки могли питать и взращивать эмбрион сепаратизма, самый же эмбрион существовал в недрах украинского общества. Обнаружить и проследить его превращение в видимое политическое явление – задача настоящей работы.

Запорожское казачество

Когда говорят о «национальном угнетении» как о причине возникновения украинского сепаратизма, то либо забывают, либо вовсе не знают, что появился он в такое время, когда не только москальского гнета, но самих москалей на Украине не было. Он существовал уже в момент присоединения Малороссии к Московскому государству, и едва ли не первым сепаратистом был сам гетман Богдан Хмельницкий, с именем которого связано воссоединение двух половин древнего Русского государства. Не прошло и двух лет со дня присяги на подданство царю Алексею Михайловичу, как в Москву стали поступать сведения о нелояльном поведении Хмельницкого, о нарушении им присяги. Проверив слухи и убедившись в их правильности, правительство вынуждено было послать в Чигирин окольничего Федора Бутурлина и думного дьяка Михайлова, дабы поставить на вид гетману неблаговидность его поведения. «Обещал ты гетман Богдан Хмельницкий со всем войском запорожским в святой Божией церкви по непорочной Христовой заповеди перед святым Евангелием служить и быть в подданстве и послушании под высокою рукой его царского величества и во всем ему великому государю добра хотеть, а ныне слышим мы, что ты желаешь добра не его царскому величеству, а Ракочию и, еще хуже, соединились вы с неприятелем великого государя Карлом Густавом, королем шведским, который с помощью войска запорожского его царского величества отторгнул многие города польские. И ты гетман оказал посobie шведскому королю без соизволения великого государя, забыл страх Божий и свою присягу перед святым Евангелием»¹¹.

Хмельницкого упрекали в своеволии, в недисциплинированности, но не допускали еще мысли об отложении его от Московского государства. А между тем ни Бутурлин, ни бояре, ни Алексей Михайлович не знали, что имели дело с двоеданником, признававшим над собой власть двух государей. Факт этот стал известен в XIX в., когда историком Н. И. Костомаровым найдены были две турецкие грамоты Мехмет-султана к Хмельницкому, из которых видно, что гетман, отдавшись под руку царя московского, состоял в то же время подданным султана турецкого. Турецкое подданство он принял еще в 1650 г., когда ему послали из Константинополя «штуку златоглаву» и кафтан, «чтобы вы с уверенностью возложили на себя этот кафтан, в том смысле, что вы теперь стали нашим верным данником»¹².

Знали об этом событии, видимо, лишь немногие приближенные Богдана, в то время как от казаков и от всего народа малороссийского оно скрывалось. Отправляясь в 1654 г. в Переяславль на раду, Хмельницкий не отказался от прежнего подданства и не снял турецкого кафтана, надев поверх него московскую шубу.

Через полтора с лишним года после присяги Москве султан шлет новую грамоту, из которой видно, что Богдан и не думал порывать с Портой, но всячески старался представить ей в неверном свете свое соединение с Москвой. Факт нового подданства он скрыл от Константинополя, объяснив все дело как временный союз, вызванный трудными обстоятельствами. Он по-прежнему просил султана считать его своим верным вассалом, за что удостоился милостивого слова и заверения в высоком покровительстве.

Двоедушие Хмельницкого не представляло чего-нибудь исключительного; вся казачья старшина настроена была таким же образом. Не успела она принести присягу Москве, как многие дали понять, что не желают оставаться ей верными. Во главе нарушивших клятву оказались такие видные люди, как Богун и Серко. Серко ушел в Запорожье, где стал кошевым атаманом. Богун, уманский полковник и герой Хмельничины, сложив присягу, начал мутить все Побужье.

---

¹¹ А. Ю. З. Р. Т. III, № 369.

¹² Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий, данник Оттоманской Порты // Вестник Европы. 1878. Т. VI.

Были случаи прямого уклонения от присяги. Это касается, прежде всего, высшего духовенства, враждебно относившегося к идее соединения с Москвой. Но и запорожцы, вовсе не высказывавшие такой вражды, вели себя не лучше. Когда Богдан окончательно решился отдаться царю, он запросил мнение Сечи, этой метрополии казачества. Сечевики ответили письмом, выразившим их полное согласие на переход «всего малороссийского народа, по обеим сторонам Днепра живущего, под протекцию великодержавнейшего и пресветлейшего монарха российского». И после того, как присоединение состоялось и Богдан прислал им в Сечь списки с жалованных царских грамот, запорожцы выражали радость по поводу «закрепления и подтверждения превысоким монархом стародавних прав и вольностей войска малороссийского народа»; они воздавали «хвалу и благодарность Пресвятой Троице и поклоняемому Богу и низжайшее челобитствие пресветлейшему государю». Когда же дошло до присяги этому государю, запорожцы притихли и замолчали. Покрывая их, гетман всячески успокаивал московское правительство, уверяя, что «запорожские казаки люди малые, и то из войска переменные, и тех в дело почитать нечего». Только с течением времени Москве удалось настоять на их присяге¹³.

Когда началась война с Польшей и соединенное русско-малороссийское войско осаждало Львов, генеральный писарь Выговский уговаривал львовских мещан не сдавать город на царское имя. Представителю этих мещан Кушевичу, отказавшемуся от сдачи, переяславский полковник Тетеря шепнул по-латыни: «Вы постоянны и благородны».

Сам Хмельницкий к концу войны сделался крайне неприветлив со своими коллегами – царскими воеводами. Духовник его во время молитвы, когда садились за стол, перестал помянуть царское имя, тогда как полякам, с которыми воевали, старшина и гетман оказывали знаки приязни. После войны они решились на открытое государственное преступление, нарушив заключенный царем Виленский договор с Польшей и вступив в тайное соглашение с шведским королем и седмиградским князем Ракочи о разделе Польши. 12 тысяч казаков было послано на помощь Ракочи¹⁴. Все три года, что Хмельницкий находился под московской властью, он вел себя как человек, готовый со дня на день сложить присягу и отпасть от России.

Приведенные факты имели место в такое время, когда царской администрации на Украине не существовало, и никакими насилиями она не могла восстановить против себя малороссов. Объяснение может быть одно: в 1654 г. существовали отдельные лица и группы, шедшие в московское подданство неохотно и думавшие о том, как бы скорей из него выйти.

Объяснение столь любопытного явления надлежит искать не в малороссийской истории, а в истории днепровского казачества, игравшего руководящую роль в событиях 1654 г. Вообще истоки украинского самостийничества невозможно понять без обстоятельного экскурса в казачье прошлое. Даже новое имя страны «Украина» пошло от казачества. На старинных картах территории с надписью «Украина» появляются впервые в XVII в., и, если не считать карты Боплана, надпись эта всегда относится к области поселения запорожских казаков. На карте Корнетти 1657 г. между Bassa Volinia и Podolia значится по течению Днепра *Ukraine passa de Cosacchi*. На голландской карте конца XVII в. то же самое место обозначено: *Ukraine of t. Land der Cosacken*.

Отсюда название стало распространяться на всю Малороссию. Отсюда же распространились и настроения, положившие начало современному самостийничеству. Далеко не все понимают роль казачества в создании украинской националистической идеологии. Происходит это, в значительной степени, из-за неверного представления о его природе. Большинство почерпает свои сведения о нем из исторических романов, песен, преданий и всевозможных произведе-

---

¹³ Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. СПб., 1895. Т. 2. С. 248.

¹⁴ А. Ю. З. Р. Т. III № 369; Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. Т. II. С. 8.

ний искусства. Между тем облик казака в поэзии мало сходен с его реальным историческим обликом.

Он выступает там в ореоле беззаветной отваги, воинского искусства, рыцарской чести, высоких моральных качеств, а главное – крупной исторической миссии: он борец за православие и за национальные южнорусские интересы. Обычно, как только речь заходит о запорожском казаке, встает неотразимый образ Тараса Бульбы, и надобно глубокое погружение в документальный материал, в исторические источники, чтобы освободиться от волшебства гоголевской романтики.

На запорожское казачество с давних пор установились два прямо противоположных взгляда. Одни усматривают в нем явление дворянско-аристократическое – «лыцарское». Покойный Дм. Дорошенко в своей популярной «Истории Украины з малюнками» сравнивает Запорожскую Сечь со средневековыми рыцарскими орденами. «Тут постепенно выработалась, – говорит он, – особая воинская организация наподобие рыцарских братств, что существовали в Западной Европе». Но существует другой, едва ли не более распространенный взгляд, по которому казачество воплощало чаяния плебейских масс и было живым носителем идеи народовластия с его началами всеобщего равенства, выборности должностей и абсолютной свободы.

Эти два взгляда, не примиренные, не согласованные между собой, продолжают жить по сей день в самостийнической литературе. Оба они не казачьи и даже не украинские. Польское происхождение первого из них не подлежит сомнению. Он восходит к XVI в. и встречается впервые у польского поэта Папроцкого. Наблюдая панские междоусобия, грызню магнатов, забвение государственных интересов и весь политический разврат тогдашней Польши, Папроцкий противопоставляет им свежую, здоровую, как ему казалось, среду, возникшую на окраинах Речи Посполитой. Это – среда русская, казацкая. Погрязшие во внутренних распрях поляки, по его словам, и не подозревали, что много раз были спасены от гибели этим украинским русским рыцарством, отражавшим, подобно крепостному валу, напор турецко-татарской силы. Папроцкий восхищается его доблестью, его простыми, крепкими нравами, готовностью постоять за веру, за весь христианский мир¹⁵. Произведения Папроцкого были не реалистическим описанием, а поэмами, вернее, памфлетами. В них заложена та же тенденция, что и в «Германии» Тацита, где деморализованному, вырождающемуся Риму противопоставляется молодой, здоровый организм варварского народа.

В той же Польше начинают появляться сочинения, описывающие блестящие воинские подвиги казаков, сравнить с которыми можно только подвиги Гектора, Диомеда или самого Ахилла. В 1572 г. вышло сочинение панов Фредро, Ласицкого и Горецкого, описывающее похождения казаков в Молдавии под начальством гетмана Ивана Свирговского. Каких только чудес храбрости там не показано! Сами турки говорили взятым в плен казакам: «В целом королевстве польском нет подобных вам воинственных мужей!» Те скромно возражали: «Напротив, мы самые последние, нет нам места между своими, и потому мы пришли сюда, чтобы или пасть со славою, или воротиться с военной добычей». Все попавшие к туркам казаки носят польские фамилии: Свирговский, Козловский, Сидорский, Янчик, Копытский, Решковский. Из текста повествования видно, что все они шляхтичи, но с каким-то темным прошлым; для одних разорение, для других провинности и преступления были причиной ухода в казаки. Казачьи подвиги рассматриваются ими как средство восстановления чести: «или пасть со славою, или воротиться с военной добычей». Потому они и расписаны так авторами, которые сами могли быть соратниками Свирговского¹⁶. Еще П. Кулиш заметил, что сочинение их про-

¹⁵ Do Polakow. Перепечатано П. Кулишем в приложении к т. II его «Истории воссоединения Руси», с редкого издания, вышедшего в Кракове в 1575 г.

¹⁶ См.: *Костомаров Н. И.* Гетман Иван Свирговский // Исторические монографии. СПб., 1863. Т. 2.

диктовано менее высокими мотивами, чем поэмы Папроцкого. Они преследовали цель реабилитации провинившихся шляхтичей и их амнистии. Подобные сочинения, наполненные превознесением храбрости дворян, ушедших в казаки, наделяли рыцарскими чертами и все казачество. Литература эта, без сомнения, рано стала известна запорожцам, способствуя распространению среди них высокого взгляда на свое общество. Когда же «реестровые» начали в XVII в. захватывать земли, превращаться в помещиков и добиваться дворянских прав, популяризация версии об их рыцарском происхождении приобрела особенную настойчивость. «Летопись Грабянки», «Краткое описание о казацком малороссийском народе» П. Симоновского, труды Н. Маркевича и Д. Бантыш-Каменского, а также знаменитая «История русов» – наиболее яркие выражения взгляда на шляхетскую природу казачества.

Несостоятельность этой точки зрения вряд ли нуждается в доказательстве. Она попросту выдумана и никакими источниками, кроме фальшивых, не подтверждается. Мы не знаем ни одного проверенного документа, свидетельствующего о раннем запорожском казачестве как о самобытной военной организации малороссийской шляхты. Простая логика отрицает эту версию. Будь казаки шляхтичами с незапамятных времен, зачем бы им было в XVII и XVIII вв. добиваться шляхетского звания? К тому же Литовская метрика, русские летописи, польские хроники и прочие источники дают в достаточной мере ясную картину происхождения подлинного литовско-русского дворянства, чтобы у исследователей мог возникнуть соблазн вести его генезис от запорожцев.

Еще труднее сравнивать Запорожскую Сечь с рыцарским орденом. Ордена хоть и возникли первоначально за пределами Европы, но всем своим существом связаны с нею. Они были порождением ее общественно-политической и религиозной жизни, тогда как казачество рекрутировалось из элементов, вытесненных организованным обществом государств европейского востока. Возникло оно не в гармонии, а в борьбе с ними. Ни светская, ни церковная власть, ни общественный почин не причастны к образованию таких колоний, как Запорожье. Всякая попытка приписать им миссию защитников православия против ислама и католичества разбивается об исторические источники. Наличие в Сечи большого количества поляков, татар, турок, армян, черкесов, мадьяр и прочих выходцев из не православных стран не свидетельствует о запорожцах как ревнителях православия.

Данные, приведенные П. Кулишем, исключают всякие сомнения на этот счет. Оба Хмельницких, отец и сын, а после них Петр Дорошенко признавали себя подданными султана турецкого – главы ислама. С крымскими же татарами, этими «врагами креста Христова», казаки не столько воевали, сколько сотрудничали и вкуче ходили на польские и на московские Украины.

Современники отзывались о религиозной жизни днепровского казачества с отвращением, усматривая в ней больше безбожия, чем веры. Адам Кисель, православный шляхтич, писал, что у запорожских казаков «нет никакой веры», и то же повторял униатский митрополит Рутский. Православный митрополит и основатель Киевской духовной академии Петр Могила относился к казакам с нескрываемой враждой и презрением, называя их в печати «ребелизантами». Сравнить сечевую старшину с капитулом, а кошевого атамана с магистром ордена – величайшая пародия на европейское Средневековье. Да и по внешнему виду казак походил на рыцаря столько же, сколько питомец любой восточной орды. Тут имеются в виду не столько баранья шапка, оселедец и широкие шаровары, сколько всякое отсутствие шаровар. П. Кулиш собрал на этот счет яркий букет показаний современников, вроде оршанского старосты Филиппа Кмиты, изображавшего в 1514 г. черкасских казаков жалкими оборванцами, а французский военный эксперт Дальрак, сопровождавший Яна Собесского в знаменитом походе под Вену, упоминает о «дикой милиции» казацкой, поразившей его своим невзрачным видом.

Уже от начала XIII в. сохранилось любопытное описание одного из казачьих гнезд, своего рода филиала Сечи, составленное московским попом Лукьяновым. Ему пришлось посетить Хвастов – стоянку знаменитого Семена Палея и его вольницы.

«Вал земляной, по виду не крепок добре, да сидельцами крепок, а люди в нем что звери. По земляному валу ворота частые, а во всяких воротах копаны ямы, да солома постлана в ямы. Там палеевщина лежит человек по двадцати, по тридцати; голы что бубны без рубах нагие страшны зело. А когда мы приехали и стали на площади, а того дня у них случилось много свадеб, так нас обступили, как есть около медведя; все казаки палеевщина, и свадьбы покинули; а все голудьба безпорточная, а на ином и клочка рубахи нет; страшны зело, черны, что арапы, и лихи, что собаки: из рук рвут. Они на нас стоя дивятся, а мы им и втрое, что таких уродов мы отроду не видали. У нас на Москве и в Петровском кружале не скоро сыщешь такого хочь одного»¹⁷.

Сохранился отзыв о палеевцах и самого гетмана Мазепы. По его словам, Палей «не только сам повседневным пьянством помрачаясь, без страха Божия и без разума живет, но и гультьятство также единоправное себе держит, которое ни о чем больше не мыслит, только о грабительстве и о крови невинной».

Запорожская Сечь, по всем дошедшим до нас сведениям, недалеко ушла от палеевского табора – этого подобия «лицарських орденів, що існували в західній Європі».

Что касается легенды демократической, то она – плод усилий русско-украинских поэтов, публицистов, историков XIX в., таких как Рылеев, Герцен, Чернышевский, Шевченко, Костомаров, Антонович, Драгоманов, Мордовцев. Воспитанные на западно-европейских демократических идеалах, они хотели видеть в казачестве простой народ, ушедший на «низ» от панской неволи и унесший туда свои вековые начала и традиции. Неслучайно, что такой взгляд определился в эпоху народничества и наиболее яркое выражение получил в статье «О казачестве» («Современник», 1860 г.), где автор ее, Костомаров, восставал против распространенного взгляда на казаков как на разбойников и объяснял казачье явление «последствием идей чисто демократических».

Костомаровская точка зрения живет до сих пор. В книге В. А. Голобуцкого «Запорожское казачество»¹⁸ казаки представлены пионерами земледелия, распахивателями целины в Диком поле. Автор видит в них не воинское, а хлебопашеское, по преимуществу, явление. Но его аргументация, рассчитанная на непосвященную читательскую массу, лишена какой-либо ценности для исследователей. Он часто прибегает к недостойным приемам, вроде того, что хозяйство реестровых казаков XVII в. выдает за дореестровый период казачьего быта и не стесняется зачислять в казаки неказачьи группы населения, мещан например. Кроме того, он совершенно уклонился от возражения на труды и публикации, не согласные с его точкой зрения.

Когда Костомаров, вместе с Белозерским, Гулаком, Шевченко, основал в Киеве в 1847 г. Кирилло-Мефодиевское братство, он написал «Книги бытия украинского народу» – что-то вроде политической платформы, где казачье устройство противопоставлялось аристократическому строю Польши и самодержавному укладу Москвы.

«Не любила Украина ни царя, ни пана, скомпоновала соби козацтво, есть то истее братство, куды кожний пристаючи був братом других, чи вин був преж того паном, чи невольником, аби християнин, и були козаки миж собою вси ривни и старшины выбирались на ради и повинни були слугувати всим по слову христовому, и жадной помпи панской и титула не було миж козаками».

Костомаров приписывал казакам высокую миссию:

¹⁷ «Путешествие попа Лукьянова». Цит. по: *Кулиш П.* Польская колонизация юго-западной Руси // Вестник Европы. 1874. Т. II.

¹⁸ Киев, 1957.

«Постановило козацтво виру святую обороняти и визволяти ближних своих з неволи. Тим то гетман Свирговский ходив обороняти Волощину, и не взяли козаки миси з червонцами, як им давали за услуги, не взяли тим, що кровь проливали за виру та за ближних и служили Богу, а не идолу золотому»¹⁹.

Костомаров в тот период был достаточно невежествен в украинской истории. Впоследствии он хорошо узнал, кто такой был Свирговский и зачем ходил в Валахию. Но в эпоху Кирилло-Мефодиевского братства авантюрная грабительская экспедиция польских шляхтичей легко сошла у него за крестовый поход и служение «Богу, а не идолу золотому».

По Костомарову, казаки несли Украине такое подлинно демократическое устройство, что могли осчастливить не одну эту страну, но и соседние с нею.

Приблизительно так же смотрел на Запорожскую Сечь М. П. Драгоманов. В казачьем быту он видел общинное начало и даже склонен был называть Сечь «коммуной». Он не мог простить П. Лаврову, что тот в своей речи на банкете, посвященном 50-летию польского восстания 1830 г., перечислив наиболее яркие примеры революционно-демократического движения (Жакерия, Крестьянская война в Германии, богомилство в Болгарии, табориты в Чехии), не упомянул «Товариства (коммуны) Запорожского»²⁰. Драгоманов полагал, что Запорожье «самый строй таборами заимствовало от чешских таборитов, которым ходили помогать наши волынцы и подоляне XV в.». Одной из прямых задач участников украинофильского движения Драгоманов считал обязанность «отыскивать в разных местах и классах населения Украины воспоминания о прежней свободе и равноправности». Он включил это в качестве особого пункта в «Опыт украинской политико-социальной программы», выпущенной им в 1884 г. в Женеве. Там популяризации казачьего самоуправления в эпоху гетманщины и особенно «Сечи и вольностей товариства запорожского» придается исключительное значение. «Программа» требует от поборников украинской идеи всемирно их пропагандировать «и подводить их к теперешним понятиям о свободе и равенстве у образованных народов».

Это вполне объясняет широкое распространение подобного взгляда на запорожское казачество, особенно среди «прогрессивной» интеллигенции. Она его усвоила в результате энергичной пропаганды деятелей типа Драгоманова. Без всякой проверки и критики он был принят всем русским революционным движением. Он нашел выражение в тезисах ЦК КПСС по случаю 300-летия воссоединения Украины с Россией.

«В ходе борьбы украинских народных масс против феодально-крепостнического и национального гнета, – говорится там, – а также против турецко-татарских набегов, была создана военная сила в лице казачества, центром которого в XVI в. стала Запорожская Сечь, сыгравшая прогрессивную роль в истории украинского народа».

Составители тезисов проявили значительную осторожность, ни о коммунизме казачьем, ни о свободе и равенстве не упоминают – оценивают казачество исключительно как военную силу, но «прогрессивную роль» его отмечают в соответствии с традиционной украинофильской точкой зрения.

Между тем историческая наука давно признала неуместность поисков «прогресса» и «демократии» в таких явлениях прошлого, как Новгородская и Псковская республики или Земские соборы Московского государства. Их своеобразная средневековая природа мало имеет общего с учреждениями Нового времени. То же старое казачество. Объективное его изучение разрушило как аристократическую, так и демократическую легенды. Сам Костомаров, по мере углубления в источники, значительно изменил свой взгляд, а П. Кулиш, развернув широкое историческое полотно, представил казачество в таком свете, что оно ни под какие

¹⁹ *Kostomarov M. Knyhy bytija ukrains'koho narodu. Texte publi par E. Borschak avec une introduction et des notes. Paris, 1947.* Второе их издание с переводом на французский язык: «Le livre de la genese du peuple ukrainien», par Georges Luciani. Paris, 1956.

²⁰ *Драгоманов М. Великорусский интернационал и польско-украинский вопрос. Казань, 1907. С. 35.*

сравнения с европейскими институтами и общественными явлениями не подходит. На Кулиша сердились за такое развенчание, но опорочить его аргументацию и собранный им документальный материал не могли. Обращение к нему и по сей день обязательно для всякого, кто хочет понять истинную сущность казачества.

Демократия в наш век расценивается не по формальным признакам, а по ее общественно-культурной и моральной ценности. Равенство и выборность должностей в общине, живущей грабежом и разбоем, никого не восхищают. Не считаем мы также достаточным для демократического строя одного только участия народа в решении общих дел и выборности должностей. Ни древняя, античная, ни новейшая демократия не мыслили этих начал вне строгой государственной организации и твердой власти. Господства толпы никто сейчас с понятием народовластия не сближает. А запорожским казакам именно государственного начала и недоставало. Они воспитаны были в духе отрицания государства. К своему собственному войсковому устройству, которое могло бы рассматриваться как прообраз государства, у них существовало малопочтительное отношение, вызывавшее всеобщее удивление иностранцев. Популярнейший и сильнейший из казачьих гетманов Богдан Хмельницкий немало терпел от своеволия и необузданности казаков. Все, кто бывал при дворе Хмельницкого, поражались грубому и панибратскому обхождению полковников со своим гетманом. По словам одного польского дворянина, московский посол, человек почтенный и обходительный, часто принужден был опускать в землю глаза. Еще большее возмущение вызвало это у венгерского посла. Тот, несмотря на радушный прием, оказанный ему, не мог не вымолвить по-латыни: «Занесло меня к этим диким зверям!»²¹

Казаки не только гетманский престиж ни во что не ставили, но и самих гетманов убивали с легким сердцем. В 1668 г. под Диканькой они убили левобережного гетмана Брюховецкого. Правда, это убийство было совершено по приказу его соперника Дорошенко, но, когда тот выкатил несколько бочек горелки, казаки, подвыпив, надумали убить к вечеру и самого Дорошенко. Преемник Брюховецкого, Демьян Многогрешный, признавался:

«Желаю прежде смерти сдать гетманство. Если мне смерть приключится, то у казаков такой обычай – гетманские пожитки все разнесут, жену, детей и родственников моих нищими сделают; да и то у казаков бывает, что гетманы своею смертью не умирают; когда я лежал болен, то казаки собирались все пожитки мои рознести по себе»²².

К «разносу» гетманских пожитков казаки готовы были в любую минуту. Сохранилось описание банкета, данного Мазепой в шведском стане в честь прибывших к нему запорожцев. Подвыпив, запорожцы начали тянуть со стола золотую и серебряную посуду, а когда кто-то осмелился указать на неблаговидность такого поведения, то был тут же прирезан.

Если такой стиль царил в эпоху гетманщины, когда казачество пыталось создать что-то похожее на государственное управление, то что было в сравнительно ранние времена, особенно в знаменитой Сечи? Кошевых атаманов и старшину поднимали на щит или свергали по капризу либо под пьяную руку, не предъявляя даже обвинения. Рада – верховный орган управления – представляла собой горластое неорганизованное собрание всех членов «братства». Боярин В. В. Шереметев, взятый татарами в плен и проживший в Крыму много лет, описывал в одном письме к царю Алексею Михайловичу свое впечатление от татарского курултая, или, как он его называет, «Думы». «А дума бусурманская похожа была на раду казацкую; на что хан и ближние люди приговорят, а черные юртовые люди не захотят, и то дело никакими мерами сделано не будет». На необычайное засилье самовольной толпы жалуются все гетманы. Казачество, по словам Мазепы, «никогда никакой власти и начальства над собой иметь не хочет». Казачья «демократия» была на самом деле охлократией.

---

²¹ См.: Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. СПб., 1859. Т. I. С. 320–330.

²² Соловьев С. М. История России. М., 1961. Т. XII. С. 424.

Не здесь ли таится разгадка того, почему Украина не сделалась в свое время самостоятельным государством? Могли ли его создать люди, воспитанные в антигосударственных традициях? Захватившие Малороссию «казаченки» превратили ее как бы в огромное Запорожье, подчинив весь край своей дикой системе управления. Отсюда частые перевороты, свержения гетманов, интриги, подкопы, борьба друг с другом многочисленных группировок, измены, предательства и невероятный политический хаос, царивший всю вторую половину XVII в. Не создав своего государства, казаки явились самым неуживчивым элементом и в тех государствах, с которыми связывала их историческая судьба.

Объяснения природы казачества надо искать не на Западе, а на Востоке, не на почве удобренной римской культурой, а в «диком поле», среди тюрко-монгольских орд. Запорожское казачество давно поставлено в прямую генетическую связь с хищными печенегами, половцами и татарами, бушевавшими в южных степях на протяжении чуть не всей русской истории. Осевшие в Приднепровье и известные чаще всего под именем Черных Клобуков, они со временем христианизировались, обрусели и положили начало, по мнению Костомарова, южно-русскому казачеству. Эта точка зрения получила сильное подкрепление в ряде позднейших изысканий, среди которых особенным интересом отличается исследование П. Голубовского. Согласно ему, между степным кочевым миром и русской стихией не было в старину той резкой границы, какую мы себе обычно представляем. На всем пространстве от Дуная до Волги «лес и степь» взаимно проникали друг друга, и в то время как печенеги, торки и половцы оседали в русских владениях, сами русские многочисленными островками жили в глубине тюркских кочевий. Происходило сильное смешение кровей и культур. И в этой среде, по мнению Голубовского, уже в киевскую эпоху стали создаваться особые воинственные общины, в составе которых наблюдались как русские, так и кочевые инородческие элементы. Основываясь на известном Codex Samaritanicus конца XIII в., Голубовский самое слово «казак» считает половецким, в смысле стража передового, дневного и ночного²³.

Толкований этого слова много, и выводилось оно всегда из восточных языков, но прежние исследователи сопровождали свои утверждения аргументацией и соответствующими лингвистическими выкладками. Только В. А. Голобуцкий, автор недавно вышедшей работы о запорожском казачестве, отступил от этой хорошей академической традиции. Отметив тюркское его происхождение и истолковав как «вольного человека», он ничем не подкрепил своего открытия. Нетрудно заметить руководившее им желание – закрепить филологически за словом «казак» то значение, которое придавалось ему в националистической публицистике и поэзии XIX в.

Некоторые исследователи идут дальше Голубовского и ищут следов казачества в скифских и сарматских временах, когда на нашем юге подвизались многочисленные ватаги, добывавшие пропитание грабежами и набегами. Степь искони дышала разбоем, хищничеством и той особой вольностью, которую так трудно отождествить с современным понятием свободы. Наиболее яркую печать наложила на казачество самая близкая к нему по времени татарская эпоха степной истории. Давно обращено внимание на тюркско-татарское происхождение казачьей терминологии. Слово «чабан», например, означающее пастуха овец, заимствовано от татар. От них же заимствовано и слово «атаман», производное от «одаман», означающее начальника чабанов сводного стада. Сводное же стадо составляли десять соединенных стад, по тысяче овец в каждом. Такое стадо называлось «кхош». Казацкое «кош» (становище, лагерь, сборное место) и «кошевой атаман» вышли из этого степного лексикона. Оттуда же «курень» и «куренной атаман». «Значение куреня, – по словам Рашидед-Дина, – таково: когда в поле кибитки во множестве стоят кругом в виде кольца, то называют это курень».

---

²³ Голубовский П. Печенеги, торки, половцы. Киев, 1884.

Объяснить проникновение в среду днепровских казаков тюрко-монгольской кочевой терминологии не так уж трудно ввиду близости Крыма. Но наиболее вероятным ее источником были казаки же, только не свои русские, а татарские. Представление о казачестве как специально русском явлении до такой степени распространено у нас и в Европе, что о существовании иноплеменных казачьих скопищ редко кому известно. Между тем Дон и Запорожье были, надо думать, младшими братьями и учениками казаков татарских.

На существование татарских казаков имеется множество указаний. Оставляя в стороне вопрос о большой казахской орде за Каспием, которую некоторые историки, как Быкадоров и Яворницкий, ставят в родственную связь со всем казацким миром, мы ограничимся более близкой нам территорией – Причерноморьем.

В 1492 г. хан Менгли-Гирей писал Ивану III, что войско его, возвращаясь из-под Киева с добычей, было ограблено в степи «ордынскими казаками». Об этих ордынских или «азовских» казаках-татарах неоднократно пишут русские летописцы со времен Ивана III, характеризуя их как самых ужасных разбойников, нападавших на пограничные города и чинивших необычайные препятствия при сношениях Московского государства с Крымом. «Поле не чисто от азовских казаков», – читаем мы постоянно в донесениях послов и пограничных воевод государю. Татарские казаки, так же как русские, не признавали над собой власти ни одного из соседних государей, хотя часто поступали к ним на службу. Так, отряды татарских казаков состояли на службе у Москвы, не гнушались ими и Польша. Известно, по крайней мере, что король Сигизмунд-Август призывал к себе белгородских (аккерманских) и перекопских казаков и посылал им сукно на жалованье. Но чаще всех привлекал их себе на помощь крымский хан, имевший постоянно в составе своих войск крупные казачьи отряды. Разбойничая на пространстве между Крымом и московской Украиной, татарские казаки были в военном, бытовом и экономическом отношении самостоятельной организацией, так что польские летописцы, зная четыре татарские орды (заволжскую, астраханскую, казанскую, перекопскую), причисляли к ним иногда пятую – казацкую²⁴.

Надо ли после этого ходить далеко на Запад в поисках образца для Запорожской Сечи? Истинной школой днепровской вольницы была татарская степь, давшая ей все от воинских приемов, лексикона, внешнего вида (усы, чуб, шаровары) до обычаев, нравов и всего стиля поведения. Прославленные морские походы в Туретчину выглядят совсем не патриотическим и не благочестивым делом. Сами украинофилы XIX в. знали, что казаки «розбивали по Черному морю христианске купецтво заодно с бесурменским, а дома плиндровали руськи свои городи татарским робом»²⁵.

«Были в Швеции казаки запорожские, числом 4000, – пишет одна польская летопись, – над ними был гетманом Самуил Кошка, там этого Самуила и убили. Казаки в Швеции ничего доброго не сделали, ни гетману, ни королю не пособили, только на Руси Полоцку великий вред сделали, и город славный Витебск опустошили, золота и серебра множество набрали, мещан знатных рубили и такую содомию чинили, что хуже злых неприятелей или татар».

Под 1603 г. повествуется о походе казаков под начальством некоего Ивана Куцки в Боркулабовской и Шупенской волостях, где они обложили население данью в деньгах и натуре.

«В том же году в городе Могилеве Иван Куцка сдал гетманство, потому что в войске было великое своевольство: что кто хочет, то делает. Приехал посланец от короля и панов радных, напоминал, грозил казакам, чтоб они никакого насилия в городе и по селам не делали. К этому посланцу приносил один мещанин на руках девочку шести лет, прибитую и изнасилованную, едва живую; горько, страшно было глядеть: все люди плакали, Богу Создателю моли-

²⁴ См. об этом у П. Кулиша в его «Истории воссоединения Руси», том I, и в «Польской колонизации юго-западной Руси». А также: Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948; Günter Stökl. Die Entstehung des Kosakentums. Isar-Verlag. München, 1953.

²⁵ Твори Пантелеймона Кулиша. Львов, 1910. Т. VI. С. 578.

лись, чтобы таких своевольников истребил навеки. А когда казаки назад на Низ поехали, то великие убытки селам и городам делали, женщин, девиц, детей и лошадей с собою брали; один казак вел лошадей 8, 10, 12, детей 3, 4, женщин или девиц 4 или 3»²⁶.

Чем эта картина отличается от вида крымской орды, возвращающейся с ясырем из удачного набега? Разница может быть та, что татары своих единоверцев и единоплеменников не брали и не продавали в рабство, тогда как для запорожских «лыцарей» подобных тонкостей не существовало.

Школа Запорожья была не рыцарская и не трудовая крестьянская. Правда, много крепостных мужиков бежало туда, и много было поборников идеи освобождения селянства от крепостного права. Но, принесенные извне, эти идеи замирали в Запорожье и подменялись другими. Не они определяли образ Сечи и общий тонус ее жизни. Здесь существовали свои вековые традиции, нравы и свой взгляд на мир. Попадавший сюда человек переваривался и перетапливался, как в котле, из малоросса становился казаком, менял этнографию, менял душу. В глазах современников как отдельные казаки, так и целые их объединения носили характер «добычников». «Жен не держат, землю не пашут, питаются от скотоводства, звериной ловли и рыбного промысла, а в старину больше в добычах, от соседственных народов получаемых, упражнялись»²⁷. Казакование было особым методом добывания средств к жизни, и тот же Папроцкий, воспевавший казаков как рыцарей, признается в одном месте, что в низовьях Днепра «сабля приносила больше барышей, чем хозяйство». Именно поэтому в казачество шли не одни простолюдины, но и шляхта, подчас из очень знатных родов. Насколько возвышенными были их цели и устремления, видно из случая с знаменитым Самуилом Заборовским. Отправляясь в Запорожье, он мечтал о походе с казаками на московские пределы, но, явившись в Сечь и ознакомившись с обстановкой, меняет намерение и предлагает поход в Молдавию. Когда же татары приходят с дружеским предложением идти совместно грабить Персию, он охотно соглашается и на это. Запорожские мораль и нравы хорошо были известны в Польше. Коронный гетман Ян Замойский, обращаясь к провинившимся шляхтичам, выставившим в оправдание прежних проступков свои заслуги в запорожском войске, говорил: «Не на Низу ищут славной смерти, не там возвращаются утраченные права. Каждому рассудительному человеку понятно, что туда идут не из любви к отчеству, а для добычи»²⁸.

Даже в поздние времена, в начале XVIII в., казаки не стеснялись называть свое ремесло его собственным именем. Когда Булавин поднял на Дону восстание против Петра Великого, он отправился в Запорожье с целью прибрать там себе помощников. Сечь заволновалась. Одни стояли за немедленное соединение с донским атаманом, другие боялись порывать с Москвой. Дошло до смены кошевого и старшины. Умеренная группа одержала верх, и порешили всей Сечью не выступать, а разрешить желающим присоединиться к Булавину на свой риск. Булавин встал в Самарских городках и обратился к запорожцам с призывом:

«Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники! Кто похочет с военным походным атаманом Кондратием Афанасьевичем Булавиным, кто похочет с ним погулять по чисту полю, красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конях поездить, то приезжайте в черны вершины самарские!»²⁹

До учреждения оседлого реестрового казачества в середине XVI в. термином «казак» определялся особый образ жизни. «Ходить в казаки» означало удалиться в степь за линию пограничной охраны и жить там наподобие татарских казаков, то есть, в зависимости от обстоятельств, ловить рыбу, пасти овец или грабить.

²⁶ Соловьев С. М. Указ. соч. М., 1961. Т. X. С. 438.

²⁷ Миллер Г. Ф. Рассуждение о запорожцах // Чтения Московского общества истории и древностей российских. 1846. № 5. С. 58.

²⁸ Кулиш П. Польская колонизация юго-западной Руси.

²⁹ Соловьев С. М. Указ. соч. М., 1962. Т. XV. С. 180.

Фигура запорожца не тождественна с типом коренного малороссиянина, они представляют два разных мира. Один – оседлый, земледельческий, с культурой, бытом, навыками и традициями, унаследованными от киевских времен. Другой – гулящий, нетрудовой, ведущий разбойную жизнь, выработавший совершенно иной темперамент и характер под влиянием образа жизни и смешения со степными выходцами. Казачество порождено не южнорусской культурой, а стихией враждебной, пребывавшей столетиями в состоянии войны с нею.

Высказанная многими русскими историками, мысль эта поддержана ныне немецким исследователем Гюнтером Штеклем, полагающим, что первыми русскими казаками были обрусевшие крещеные татары. В них он видит отцов восточнославянского казачества.

Что касается легенды, приписывающей запорожцам миссию защиты славянского востока Европы от татар и турок, то она ныне достаточно развенчана накопившимся документальным материалом и трудами исследователей. Казачья служба на краю Дикого поля создана инициативой и усилиями польского государства, а не самого казачества. Вопрос этот давно ясен для исторической науки.

Захват Малороссии казаками

Кто не понял хищной природы казачества, кто смешивает его с беглым крестьянством, тот никогда не поймет ни происхождения украинского сепаратизма, ни смысла события, ему предшествовавшего в середине XVII в. А событие это означало не что иное, как захват небольшой кучкой степной вольницы огромной по территории и по народонаселению страны. У казаков с давних пор жила мечта получить в кормление какое-нибудь небольшое государство. Судя по частым набегам на Молдаво-Валахию, эта земля была раньше всех ими облюбована. Они ею чуть было не овладели в 1563 г., когда ходили туда под начальством Байды-Вишневецкого. Уже тогда шла речь о возведении этого предводителя на господарский престол. Через 14 лет, в 1577 г., им удается взять Яссы и посадить на трон своего атамана Подкову, но и на этот раз успех оказался непродолжительным, Подкова не удержался на господарстве. Невзирая на неудачи, казаки чуть не целое столетие продолжали попытки завоевания и захвата власти в дунайских княжествах. Прибрать их к рукам, учредить там в качестве чиновничества, завладеть урядами – таков был смысл их усилий.

Судьба к ним оказалась благосклоннее, чем они могли предполагать, она отдала им гораздо более богатую и обширную, чем Молдавия, землю – Украину. Выпало такое счастье в значительной мере неожиданно для них самих, благодаря крестьянской войне, приведшей к падению крепостного права и польского владычества в крае.

Но прежде чем говорить об этом, необходимо отметить одну важную перемену, совершившуюся в середине XVI в. Речь идет о введении так называемого «реестра», под которым разумелся список тех казаков, что польское правительство приняло к себе на службу для охраны окраинных земель от татарских набегов. Строго ограниченные числом, доведенным с течением времени до 6000, подчиненные польскому коронному гетману и получившие свой войсковой и административный центр в городе Терехтемирове над Днестром, реестровые казаки наделены были известными правами и льготами: избавлялись от налогов, получали жалованье, имели свой суд, свое выборное управление. Но, поставив эту избранную группу в привилегированное положение, польское правительство наложило запрет на всякое другое казакование, видя в нем развитие вредного, гулящего, антиправительственного элемента.

В ученой литературе эта реформа рассматривается обычно как первое юридическое и экономическое разделение внутри казачества. В реестровых видят избранную касту, получившую возможность обзаводиться домом, землей, хозяйством и применять, нередко в больших размерах, труд работников и всевозможных слуг. Советским историкам это давало материал для бесконечных рассуждений о «расслоении», об «антагонизме».

Но антагонизм существовал не в казачьей среде, а между казаками и хлопями. В Запорожье, как и в самой Речи Посполитой, хлопов³⁰ презрительно называли «чернью». Это те, кто, убежав от панского ярма, не в силах оказались преодолеть своей хлебоборобной мужицкой природы и усвоить казачьи замашки, казачью мораль и психологию. Им не отказывали в убежище, но с ними никогда не сливались; запорожцы знали случайность их появления на низу и сомнительные казачьи качества. Лишь небольшая часть, пройдя степную школу, бесповоротно меняла крестьянскую долю на профессию лихого добычника. В большинстве же своем хлопский элемент расплылся: кто погибал, кто шел работниками на хутора к реестровым, а когда наплыв такого люда был большим, образовывал скопища, служившие пушечным мясом для ловких предводителей из старых казаков, вроде Лободы или Наливайки, и натравливался на пристепные имения польских магнатов.

---

³⁰ Хлоп – крестьянин (польск.).

Взаимоотношения же между реестровыми и нереестровыми, несмотря на некоторые размолвки, никогда не выражались в форме классовых или сословных распрей. Сечь для тех и других была колыбелью и символом единства. Реестровые навещают ее, бегут туда в случае невзгод или ссор с польским правительством, часто объединяются с сечевиками для совместных грабительских экспедиций.

Реестровая реформа не только не встречена враждебно на низу, но окрылила все степное гультяйство³¹; попасть в реестр и быть причисленным к «лыцарству» стало мечтой каждого запорожского молодца. Реестр явился не разлагающим, а скорее объединяющим началом и сыграл видную роль в развитии «самосознания».

Вчерашняя разбойная вольница, сделавшись королевским войском, призванным оберегать окраины Речи Посполитой, возгорелась мечтой о некоем почетном месте в панской республике; зародилась та идеология, которая сыграла потом столь важную роль в истории Малороссии. Она заключалась в сближении понятия «казак» с понятием «шляхтич». Сколь смешной ни выглядела эта претензия в глазах тогдашнего польского общества, казаки упорно держались ее.

Шляхтич владеет землями и крестьянами по причине своей воинской службы в пользу государства. Но казак тоже воин и тоже служит Речи Посполитой, почему же ему не быть помещиком, тем более что бок о бок с ним, в Запорожье, жили нередко природные шляхтичи из знатных родов, шедшие в казаки? Свои вождения реестровое войско начало выражать в петициях и обращениях к королю и сейму. На конвокационном сейме 1632 г. его представители заявили:

«Мы убеждены, что дождемся когда-нибудь того счастливого времени, когда получим исправление наших прав рыцарских, и ревностно просим, чтобы сейм изволил доложить королю, чтобы нам были дарованы те вольности, которые принадлежат людям рыцарским»³².

Скапливая богатства, обзаводясь землей и слугами, верхушка казачества в самом деле стала приближаться экономически к образу и подобию шляхты. Известно, что у того же Богдана Хмельницкого было земельное владение в Субботове, дом и несколько десятков челяди. К середине XVII в. казачья аристократия по материальному достатку не уступала мелкому и среднему дворянству. Отлично понимая важность образования для дворянской карьеры, она обучает своих детей панским премудростям. Меньше чем через сто лет после введения реестра среди казацкой старшины можно было встретить людей, употреблявших латынь в разговоре. Имея возможность, по характеру службы, часто общаться со знатью, старшина заводит с нею знакомства, связи, стремится усвоить ее лоск и замашки. Степной выходец, печенег готов вот-вот появиться в светской гостиной. Ему не хватает только шляхетских прав.

---

³¹ Безделье (укр.).

³² Голубев. П. Могила. Т. II. С. 403–407; Грушевский М. История Украины-Руси. Т. 8. Ч. 1. С. 143–144.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.